

ІСТОРИЧНІ НАУКИ

УДК 94(367):821.161–94.09

Кириченко М. И.,
аспирант кафедры историографии,
источниковедения и археологии исторического
факультета, Харьковский национальный
университет им. В. Н. Каразина
(Украина, Харьков), mkiritchenko@gmail.com

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СЕВЕРЯН

Повесть временных лет рассмотрена как источник по истории восточнославянского племенного союза северян. В статье проводится краткий анализ развития представлений о возникновении этого источника, его авторства и цели создания. Приводится аргументация необходимости работы с Лаврентьевской, Радзивилловской и Ипатьевской летописями как списками, наиболее близкими к протографу. Проводится краткий анализ форм написания этнонима «северяне» в текстах списков Повести временных лет. Автор пришел к выводу, что, несмотря на некоторые недостатки, выявленные предшественниками, Повесть временных лет остается основным письменным источником по ранней истории восточных славян и северян, в частности. В перспективе планируется проведение детального анализа фрагментов Повести, повествующих о северянах.

Ключевые слова: Повесть временных лет, русские летописи, северяне.

(статья друкується мовою оригіналу)

Повесть временных лет (далее ПВЛ) является одним из немногочисленных письменных источников, содержащих сведения о северянах – славянском объединении Днепровского Левобережья. Всего этот памятник содержит 10 фрагментов (5 в недатированной части и 5 в датированной), в которых упоминаются северяне. Впервые северяне появляются в ПВЛ в рассказе о переселении славян к Днепру, а последнее их упоминание относится к 1024 году, когда они упоминаются в контексте повествования о битве при Листвене. Термины «северяне» и «Северская земля» фигурируют и в последующих сообщениях летописи, но в этих случаях речь идет уже об историко-географической области и ее новом, «древнерусском», населении, перенявшем имя, но не культурную идентичность своих предшественников [17, с. 165, 166].

К датированной части ПВЛ относятся следующие случаи упоминания северян: 1) Упоминание северян в числе славян, переселившихся с Дуная к Днепру; 2) Рассказ об автономных княжениях славян, одно из которых принадлежало северянам; 3) Упоминание северян в числе формирований, говорящих на славянском языке; 4) Упоминание северян в составе славянских объединений, населявших Великую Скифию; 5) Фрагмент об обычаях славян-язычников, где северяне в комплексе с другими восточнославянскими объединениями противопоставляются полянам.

В датированной части ПВЛ содержится ряд сообщений о развитии даннических отношений славян Поднепровья. В некоторых из них повествуется о северянах: 1) Под 859 год сообщается о даннической зависимости северян от хазар; 2) Под 884 год – о военном походе князя Олега на северян и обложении их данью; 3) Под 885 год летописец

подводит итоги походов Олега и повторяет сообщение о покорении северян. Еще 2 сообщения ПВЛ повествуют о северянах, как о составной части Руси: 1) Под 907 год северяне упоминаются в числе народов, составлявших войско князя Олега во время похода на Константинополь; 2) Под 1024 год ПВЛ передает рассказ о сражении Мстислава и Ярослава Владимировичей при Листвене, где северяне выступили на стороне Мстислава.

Упоминания северян в ПВЛ легли в основу многочисленных исследовательских трудов по истории этого племенного союза, однако углубление источниковедческого анализа ПВЛ заставляет пересмотреть и некоторые позиции относительно северян в этом памятнике. Поэтому пересмотр взгляда на этот источник информации о северянах, является актуальной проблемой, стоящей перед исследователями, предметом которых является история развития данного племенного союза.

Относительно времени создания и авторства ПВЛ в историографии присутствуют различные представления. Долгое время было принято считать, что этот памятник не является оригинальным произведением. В соответствии с гипотезой А. А. Шахматова, ее текст восходит к еще более раннему, но не сохранившемуся источнику – так называемому «Начальному своду», составленному в конце XI века игуменом Киево-Печерского монастыря Иоанном. Сам А. А. Шахматов и его последователи усматривали отсылки к этому памятнику в Новгородской первой летописи младшего извода [14, с. 338], однако в последнее время те основы, на которых базировалась указанная гипотеза, были пересмотрены и нашли новое истолкование, подвергнутое сомнению существование «Начального свода» [3, с. 56–116; 2, с. 73; 16, с. 470–471; 19, с. 269–308].

Непосредственно ПВЛ, как было принято считать до недавнего времени, существовала в трех редакциях, из которых до нас дошли только вторая и третья [14, с. 337]. Считалось, что текст несохранившейся первой редакции был написан в 1110–1112 гг. монахом Киево-Печерского монастыря Нестором, а впоследствии переписан и дополнен другими летописцами – авторами второй (Сильвестр в 1116 году) и третьей (летописец князя Мстислава Владимировича в 1117 году) редакций [18, с. 539; 14, с. 337]. Однако такое представление базировалось на тех гипотезах А. А. Шахматова, которые были пересмотрены в недавних исследованиях. Помимо того, что сама причастность Нестора к авторству ПВЛ была подвергнута сомнению [21, р. 31–59], современные исследователи все больше склоняются к тому мнению, что гипотетических «редакций» вовсе не существовало, а вся задумка и ее исполнение принадлежит руке одного автора [15, с. 165; 1, с. 162–165]. Этим автором, по мнению А. П. Толочко, был Сильвестр, игумен киевского Выдубицкого монастыря, составивший летопись в 1116 году для Владимира Мономаха [15, с. 165; 20,

р. 207]. С точки зрения А. А. Гиппиус, ПВЛ была создана в Киево-Печерском монастыре в 1115 году, в 1116 году в Выдубицком монастыре Сильвестр создал ее список, а в 1117 году на основе выдубицкой рукописи был создан «Мстиславов экземпляр», подвергнувшийся некоторой редакторской обработке [5, с. 20–44; 6, с. 3–24].

Гипотетический изначальный текст ПВЛ («первая редакция»), созданный до 1116 года (в 1110–1112 годах по А. А. Шахматову или в 1115 году по А. А. Гиппиус), не представлен ни в одном из сохранившихся списков. Текст Сильвестра («вторая редакция» по А. А. Шахматову, первый список по А. А. Гиппиус или оригинал ПВЛ по А. П. Толочко), созданный в 1116 году, сохранился в составе Лаврентьевской и Радзивиловской летописей.

Лаврентьевский список (наиболее ранний из сохранившихся) был составлен монахом Лаврентием в 1377 году для суздальского князя Дмитрия Константиновича. Лаврентий писал с ветхого списка, что, по-видимому, привело к обилию ошибок и пропусков. Радзивиловская летопись была составлена предположительно в начале XIII века и сохранилась в двух списках XV века – Кёнигсбергском и Московско-Академическом, которые были сделаны с потерянной рукописи более раннего времени [13, с. 34–40].

Текст «Мстиславова экземпляра» («третья редакция» по А. А. Шахматову), созданный в 1117 году, отражен в составе Ипатьевской летописи. Старейший из сохранившихся списков Ипатьевской летописи относится к концу 1420–х годов.

Таким образом, даже наиболее ранний из списков ПВЛ – Лаврентьевский – отстоит на два с половиной века от протографа и на три с половиной века от даты последнего упоминания в нем северян. Эта проблема усугубляется еще и тем фактом, что сохранившиеся списки зачастую находятся в разногласии между собой. В некоторых случаях их тексты расходятся лишь в несущественных орфографических особенностях, но временами встречаются и довольно существенные различия, что может привести к серьезным осложнениям в понимании первичного смысла сообщений летописи [4, с. 269–283]. Поэтому упоминания о северянах в ПВЛ должны рассматриваться с учетом разночтений всех упомянутых списков.

Текст ПВЛ, как основной источник по истории Древней Руси IX–начала XII вв., использовался многими писцами при составлении новых летописных сводов, приобретая под пером различных авторов новые оттенки (в соответствии со временем, мировоззрением и политическими взглядами переписчика, а также интересами его заказчика) [8, с. 45]. Кроме того, время, отделяющее переписчика от протографа, могло сделать даже для него непонятным язык первоначального текста и образ мыслей его автора, что неизбежно порождает попытки интерпретации и актуализации оригинального текста. Учитывая эти факторы, для толкования некоторых сложных фрагментов ПВЛ резонным кажется обращение к как можно более широкому кругу ее списков. Особенно ценными могут стать списки, содержащие расширенное толкование некоторых фрагментов классического текста ПВЛ (например, Густынской летописи и Летописцу Переяславля Суздальского).

Сложно найти исследование по истории Древней Руси, в котором не принимали бы во внимание сообщения

ПВЛ, поскольку это основной письменный источник информации о становлении и ранней истории этого государства. Но вопрос о том, с какой степенью доверия можно относиться к информации ПВЛ, а особенно ее вводной недатированной части, до сих пор остается открытым. К примеру, по мнению М. Н. Тихомирова, более или менее точные и подробные записи в ПВЛ появляются лишь в ее датированной части, а относительно событий предшествующего периода летописец имел так мало источников, что пришлось внести в свое повествование информацию из песен и легенд, придав им значение исторических свидетельств [13, с. 38, 43]. В связи с этим, М. Н. Тихомиров рекомендовал относиться к вводной части ПВЛ в большей степени как к набору легенд, чем как к историческому повествованию [13, с. 38].

Свой взгляд на сущность ПВЛ предложил И. Н. Данилевский. Он видит в ней особую книгу для фиксации праведных и грешных поступков для последующего предъявления на последнем суде (само название памятника исследователь предлагает трактовать как «До известия о последних временах») [7, с. 233, 234], а, следовательно, все в ней записанное должно было выполнять функцию оправдательного/обвинительного документа. ПВЛ, как считает И. Н. Данилевский, создавалась во времена, когда само принятие христианства могло считаться достаточным для прощения на Страшном суде. Однако, в скором времени концепция возможности спасения изменилась и получила распространение идея воздаяния за конкретные дела [7, с. 239], что отразилось и на летописных сводах, перед авторами которых была поставлена новая задача – более подробная фиксация событий, а также апология своего народа перед главным реципиентом летописания, под которым И. Н. Данилевский предлагает усматривать самого Создателя [7, с. 267]. Исходя из этой гипотезы, «признание эсхатологических мотивов в Повести временных лет в числе ведущих неизбежно влечет за собой предположение о присутствии их так или иначе в каждом фрагменте, из которых состоит единый текст летописи» [7, с. 258]. Такая точка зрения может объяснить нарочитое возвышение летописцем полян, как ядра Древней Руси, и понижение значимости других славянских объединений, ставших частью этого государства. Следовательно, можно полагать, что летописные северяне так же вовлечены в контекст аполгии правителей Древней Руси перед правосудием Страшного суда и их роль в тексте летописи второстепенна, являясь лишь составной частью в задаче, поставленной перед летописцем.

Отдельного внимания заслуживает место северян в этнонимии ПВЛ. Летописец дает собственное толкование некоторых славянских этнонимов. К примеру, происхождение этнонимов «радимичи» и «вятичи» он ведет от братьев Радима и Вятко из рода яхлов [9, с. 210], этноним «поляне» производит от того, «что сидели в поле» [9, с. 219], происхождение этнонима «древляне» связывает с тем, «что сели в лесах», а «полочане», по его мнению, названы от реки Полота, на которой они осели [9, с. 207]. Но «северян» в этом отношении летописец обходит стороной, никак не расшифровывая их этноним (впрочем, как и многие другие этнонимы). Вероятно, это связано с тем, что происхождение названия северян было неясным и для самого автора ПВЛ. Такая догадка находит подтверждение в лингвистике: этноним «сѣвер»,

наряду с «поля» и «дерева», является бессуффиксным, что указывает на его архаичность и бытование задолго до «распада праславянского единства» [17, с. 205]. Таким образом, этноним «сѣвер» должен был сформироваться и закрепиться значительно раньше написания первых летописей. Этим, видимо, объясняются и различия форм этнонима северян в списках ПВЛ – в рамках одного и того же списка (а иногда и в рамках одного предложения [См. напр.: 11, стб. 17]) они могут называться по-разному, например: «Сѣверъ» [10, стб. 6], «сивера» [12, с. 12], «Сѣверо» [11, стб. 5], но самым распространенным в ранних списках является форма «Сѣверъ». Со временем этот этноним трансформировался в более привычную для русских летописцев форму «северяне».

Таким образом, упоминания о северянах в ПВЛ довольно малочисленны, учитывая тот факт, что этот памятник является одним из центральных письменных источников сведений об этом племенном союзе. Но даже к этим немногочисленным сведениям исследователи относятся с большой долей осторожности, учитывая малую достоверность информации недатированной части ПВЛ и предвзятое отношение к северянам со стороны, как составителей протографа, так и переписчиков, отраженное в тексте памятника в целом.

В исторической науке присутствуют различные взгляды на время, цели создания, а также авторство ПВЛ, однако, в рамках исследования истории северян важно учитывать те факторы, что этот памятник был создан в период, когда северяне уже воспринимались неотделимой частью Руси, а автор текста был явным апологетом полян и экспансивной политики их князей.

Наиболее близкими к протографу ПВЛ списками, способными лечь в основу источниковой базы для исследования истории северян, являются Лаврентьевская, Радзивилловская и Ипатьевская летописи, однако их язык, местами недоступный для понимания современными исследователями, может быть прояснен за счет интерпретаций более поздних списков.

В летописях используется различная форма этнонима, известного нам как «северяне», однако наиболее распространенная форма – «Сѣверъ».

Несмотря на отмеченные особенности, ПВЛ остается ценнейшим источником по истории северян, положенным в основу всех исторических нарративов периода формирования историографии по истории образования и ранних этапов развития Руси. На сообщения этого источника в большой мере опираются и первые исследования истории северян. В наше время, когда источниковая база по истории северян пополнилась как новыми письменными, так и материальными источниками, ПВЛ продолжает оставаться востребованным первостепенным ресурсом информации о северянах.

Список использованных источников

1. Аристов В. До питання про «хронологічну симетрію» Повісті временних літ / Вадим Аристов // RUTHENICA. Щорічник середньовічної історії та археології Східної Європи. – К.: Інститут історії України НАН України; Laurus. – 2012. – Т.11. – С.162–165.
2. Вілкул Т. «В лѣто 6360. Поча ся прозывают руская земля». Початкові статті повісті временних літ та новгородського літопису / Т. Вілкул // Княжа доба: історія і культура. – 2014. – Вип.8. – С.73–104.
3. Вілкул Т. Л. Повесть временных лет и хронограф / Т. Л. Вілкул // Palaeoslavica. – 2007. – XV. – №2. – С.56–116.

4. Вілкул Т. Л. Текстологія Повісті временних літ: Контрольні тексти: Книга Буття у Промові Філософа / Т. Л. Вілкул // Україна у Центрально-Східній Європі. – К., 2011. – Вип.11. – С.269–283.

5. Гиппиус А. А. К проблеме редакций Повести временных лет. I. / А. А. Гиппиус // Славяноведение. – 2007. – №5. – С.20–44.

6. Гиппиус А. А. К проблеме редакций Повести временных лет. II. / А. А. Гиппиус // Славяноведение. – 2008. – №2. – С.3–24.

7. Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов / И. Н. Данилевский. – М.: Аспект-Пресс, 2004. – 383 с.

8. Опарина А. В. ПВЛ и взаимоотношение ее списков / А. В. Опарина // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2012. – №4 [11]. – С.45–50.

9. Повесть временных лет. Ч.1. Текст и перевод / Подготовка текста Д. С. Лихачева; перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова / [под ред. В. П. Адриановой-Перетц]. – М.; Л., 1950. – 405 с.

10. Полное собрание русских летописей. Т.1. Лаврентьевская летопись. Вып.1. Повесть временных лет. – Л., 1926. – 540 столбц. + 30 с.

11. Полное собрание русских летописей. Т.2. Ипатьевская летопись. – СПб., 1908. – 938 столбц. + 108 с.

12. Полное собрание русских летописей. Т.38. Радзивилловская летопись. – Л.: Наука, 1989. – 177 с.

13. Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. Вып.1. С древнейшего времени до конца XVIII века / М. Н. Тихомиров. Учебное пособие. – М., 1962. – 495 с.

14. Творогов О. В. Повесть временных лет и Начальный свод (Текстологический комментарий) // ТОДРЛ. – 1976. – Т.30. – С.3–26.

15. Толочко А. П. Перечитывая приписку Сильвестра 1116 г. / А. П. Толочко // Ruthenica. – 2008. – Т.7. – С.154–165.

16. Толочко О. П. Початкове літописне зведення / О. П. Толочко // Енциклопедія історії України. – Київ, 2011. – Т.8. – С.470–471.

17. Хабургаев Г. А. Этнонимия Повести временных лет / Г. А. Хабургаев. – М.: Изд-во Московского университета, 1979. – 232 с.

18. Шахматов А. А. История русского летописания. Т.1. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн.2. Раннее русское летописание / А. А. Шахматов. – СПб.: Наука, 2003. – 1024 с.

19. Ostrowski D. The Na'cal'nyj svod theory and the Povest' vremennykh let / Donald Ostrowski // The Povest' vremennykh let. An Interlinear Collation and Paradosis. – Harvard Ukrainian research institute publications, 2004. – P.269–308.

20. Tolochko Oleksiy P. Christian Chronology, Universal History, and the Origin of Chronicle Writing in Rus' / Oleksiy P. Tolochko // Historical Narratives and Christian Identity on a European Periphery. – 2011. – P.205–227.

21. Tolochko Oleksiy. On «Nestor the Chronicler» / Oleksiy Tolochko // Harvard Ukrainian Studies. – Vol.29. – №1/4, Ukrainian philology and linguistics in the twenty-first century. – 2007. – P.31–59.

References

1. Aristov V. Do pytannya pro «kronolohichnu symetriyu» Povisti vremennykh lit / Vadym Aristov // RUTHENICA. Shchorichnyk seredn'ovichnoyi istoriyi ta arkeolohiyi Skhidnoyi Yevropy. – K.: Instytut istoriyi Ukrainy NAN Ukrainy; Laurus. – 2012. – Т.11. – С.162–165.

2. Vilkul T. «V leto 6360. Pocha sya prozivaty ruskaya zemlya». Pochatkovy statti povisti vremennykh lit ta novhorods'koho litopysu / T. Vilkul // Knyazha daba: istoriya i kul'tura. – 2014. – Vyp.8. – S.73–104.

3. Vilkul T. L. Povest' vremennykh let i hronograf / T. L. Vilkul // Palaeoslavica. – 2007. – XV. – №2. – P.56–116.

4. Vilkul T. L. Tekstolohiya Povisti vremennykh lit: Kontrol'ni teksty: Knyha Buttya u Promovi Filosofa / T. L. Vilkul // Ukrainya u Tsentral'no-Skhidnyy Yevropi. – K., 2011. – Vyp.11. – S.269–283.

5. Gippius A. A. K probleme redakcij Povesti vremennykh let. I. / A. A. Gippius // Slavjanovedenie. – 2007. – №5. – S.20–44.

6. Gippius A. A. K probleme redakcij Povesti vremennykh let. II. / A. A. Gippius // Slavjanovedenie. – 2008. – №2. – S.3–24.

7. Danilevskij I. N. Povest' vremennykh let: germenevticheskie osnovy izuchenija litopisnykh tekstov / I. N. Danilevskij. – M.: Aspekt-Press, 2004. – 383 s.

8. Oparina A. V. PVL i vzaimootnoshenie ee spisokov / A. V. Oparina // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatischeva. – 2012. – №4 [11]. – S.45–50.

9. Povest' vremennyh let. Ch.1. Tekst i perevod / Podgotovka teksta D. S. Lihacheva; perevod D. S. Lihacheva i B. A. Romanova / [pod red. V. P. Adrianovoj–Peretc]. – M.; L., 1950. – 405 s.

10. Polnoe sobranie russkikh letopisej. T.1. Lavrent'evskaja letopis'. Vyp.1. Povest' vremennyh let. – L., 1926. – 540 stolbc. + 30 s.

11. Polnoe sobranie russkikh letopisej. T.2. Ipat'evskaja letopis'. – SPb., 1908. – 938 stolbc. + 108 s.

12. Polnoe sobranie russkikh letopisej. T.38. Radzivilovskaja letopis'. – L.: Nauka, 1989. – 177 s.

13. Tihomirov M. N. Istochnikovedenie istorii SSSR. Vyp.1. S drevnejshogo vremeni do konca XVIII veka / M. N. Tihomirov. Uchebnoe posobie. – M., 1962. – 495 s.

14. Tvorogov O. V. Povest' vremennyh let i Nachal'nyj svod (Tekstologicheskij kommentarij) // TODRL. – 1976. – T.30. – S.3–26.

15. Tolochko A. P. Perechityvaja pripisku Sil'vestra 1116 g. / A. P. Tolochko // Ruthenia. – 2008. – T.7. – S.154–165.

16. Tolochko O. P. Pochatkovje litopysne zvedennja / O. P. Tolochko // Entsiklopediya istoriji Ukrainy. – Kyjiv, 2011. – T.8. – S.470–471.

17. Naburgaev G. A. Jetnonimija Povesti vremennyh let / G. A. Naburgaev. – M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1979. – 232 s.

18. Shahmatov A. A. Istorija russkogo letopisanija. T.1. Povest' vremennyh let i drevnejšie russkie letopisnye svody. Kn.2. Rannee russkoe letopisanie / A. A. Shahmatov. – SPb.: Nauka, 2003. – 1024 s.

19. Ostrowski D. The Na'cal'nyj svod theory and the Povest' vremennyh let / Donald Ostrowski // The Povest' vremennyh let. An Interlinear Collation and Paradosis. – Harvard Ukrainian research institute publications, 2004. – P.269–308.

20. Tolochko Oleksij P. Christian Chronology, Universal History, and the Origin of Chronicle Writing in Rus' / Oleksij P. Tolochko // Historical Narratives and Christian Identity on a European Periphery. – 2011. – P.205–227.

21. Tolochko Oleksij. On «Nestor the Chronicler» / Oleksij Tolochko // Harvard Ukrainian Studies. – Vol.29, – №1/4, Ukrainian philology and linguistics in the twenty-first century. – 2007. – P.31–59.

Kiritchenko M. I., graduate student, Department of Historiography, Source Studies and Archaeology of the Faculty of History, V. N. Karazin Kharkiv National University (Ukraine, Kharkov), mkiritchenko@gmail.com

Primary Chronicle as a source on Severians history

The article considers the Primary Chronicle as a source on the history of Severians – one of tribal unions of early East Slavs. This article briefly reviews the development of ideas about the origin of this source, its authorship and purpose of creation. Author considers that the closest to Primary Chronicle's protograph codices that are able to form the basis of the source base for the study of the history of the Severians are Laurentian, Radzivil and Hypatian Chronicles. A brief analysis of the written forms of ethnonym «Severians» in the texts of codices of Primary Chronicle showed that there is various forms but the most common is «Sever». The author concludes that despite some problems identified by researchers, Primary Chronicle remains a major source of early history of the Eastern Slavs and Severians in particular.

Keywords: Primary Chronicle, Russian chronicles, Severians.

Кириченко М. І., аспірант кафедри історіографії, джерелознавства та археології історичного факультету, Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна (Україна, Харків), mkiritchenko@gmail.com

Повість временних літ як джерело з історії сіверян

Повість временних літ розглянута як джерело з історії східнослов'янського племінного союзу сіверян. У статті проводиться короткий аналіз розвитку уявлень про виникнення цього джерела, його авторства і цілі створення. Наводиться аргументація необхідності роботи з Лаврентійським, Радзивіловським та Іпатіївським літописами як списками, що є найбільш близькими до прототипа. Проводиться короткий аналіз форм написання етноніма «сіверяни» в текстах списків Повісті временних літ. Автор доходить висновку, що, незважаючи на деякі недоліки, виявлені дослідниками, Повість временних літ залишається головним письмовим джерелом з ранньої історії східних слов'ян і сіверян зокрема. У перспективі планується проведення детального аналізу фрагментів Повісті, що описують про сіверян.

Ключові слова: Повість временних літ, руські літописи, сіверяни.

* * *

УДК 323.37(477)«16–17»

Дегтярьов С. І., доктор історичних наук, доцент, доцент кафедри теорії та історії держави і права, Сумський державний університет (Україна, Суми), starsergo@bigmir.net

УКРАЇНСЬКЕ СУДОЧИНСТВО НАПРИКІНЦІ XVII – У XVIII СТ. ТА ВПЛИВИ НА НЬОГО РОСІЙСЬКИХ СУДОВИХ ПРАКТИК*

Стаття присвячена українському судочинству наприкінці XVII – у XVIII ст. та впливам на нього російських судових практик. З побудовою української козацької державності у середині XVII ст. на землях Північно–Східної України з'явилася і власна модель судочинства, яка у своїй діяльності спиралася на нормативну базу литовсько–польської доби та ранньомодерної Європи. Але вже з початку XVIII ст. російські царі/імператори здійснювали політику інкорпорації українських земель до Росії. Протягом XVIII ст. відбувається проникнення російського імперського законодавства в українські судові практики; на цих землях створюються судові або контролюючі їх установи, підпорядковані російській адміністрації; змінюється сам характер судового процесу (на інквізиційній), навіть мова ведення документів зі староукраїнської замінюється на російську.

Ключові слова: Україна, судова система, Російська імперія, бюрократія, інкорпорація.

Багато питань стосовно судочинства XVII–XVIII ст. досі не знайшли достатнього висвітлення в історичних дослідженнях. Хоча, безперечно, багато вітчизняних дослідників та поодинокі зарубіжні вчені різною мірою торкалися цієї проблематики ще з XIX ст. Активно ними використовувалися письмові джерела, що відклялися у результаті діяльності судових органів України–Гетьманщини у зазначений період. Такими матеріалами користувалися під час своїх досліджень на ниві вивчення українського судівництва Д. Бантиш–Каменський, О. Шафонський, О. Лазаревський, О. Андриєвський, М. Бакай, В. Доманицький та ін. [1; 4; 10]. Низка вчених зверталася до цієї теми і протягом XX – початку XXI ст. Серед них Я. Падох, В. Шандра, Н. Сиза, С. Дегтярьов та ін. [7; 8; 17; 19; 20; 21].

У пропонованій роботі ми здебільшого спираємося на доробок сучасних дослідників і робимо спробу реконструювати судочинство, що мало місце на північно–східних українських територіях у XVII–XVIII ст. в умовах політичного наступу на ці землі російського самодержавства.

За словами українського історика В. Брехуненка, високий рівень самостійності України–Гетьманщини наприкінці XVII ст. – у перші роки XVIII ст. забезпечували власна адміністративна система, фінанси, суд, самобутня культура, повноправність еліти в майнових і господарських справах тощо. Вони ж були опорою «україноцентричної свідомості козацького народу» [3, с. 334].

Російському уряду це заважало інтегрувати територію і суспільство Української держави до російського адміністративного та соціального простору.

Вважається, що однією з причин невдоволення польсько–шляхетськими порядками в Україні перед Хмельниччиною був становий судоустрій [19, с. 64]. Судова система України–Гетьманщини сформувалася на основі звичаїв, гетьманських розпоряджень після війни під проводом Б. Хмельницького. Значною мірою вона також спиралася на Литовський статут. Однією з позитивних ознак цієї системи судочинства було те, що між функціями судів різних рівнів (рангів) була дуже невелика різниця.

У «березневих статтях» періоду Б. Хмельницького та їхній редакції 1659 р. гарантувалося невтручання царської адміністрації в українське судочинство [6, с. 291].